

ВЕЛИКИЙ БОРЕЦ ЗА МИР

«Человек!.. Это звучит гордо!» — эту фразу Максима Горького подхватил весь прогрессивный мир, как знамя борьбы против унижения и беспощадной эксплуатации человека в царстве капитала, под проклятым венцом Желтого Дьявола.

«Человек по натуре своей — художник», — сказал также Горький, утверждая великую любовь и веру в трудового человека, его созидательную силу, украшающую и преобразующую землю, создающую материальные и духовные ценности в стремлении внести в жизнь как можно больше красоты и радости. Все вокруг создано людьми труда и принадлежит им. И все блага, та «вторая природа», которая зовется культурой, все богатства недр, лесов и полей должны служить счастьем человека.

Это провозглашал Горький, этому учил он миллионы, за это боролся.

Возвеличивая полных героев жизни, со всей силой своего гениального дарования и беспощадной ненавистью борца Горький обрушивался на угнетателей, присваивающих плоды чужого труда и строящих свое благополучие на хлебе и крови народов. Он отказывал им в звании людей. Он писал, что капиталисты «давно уж перестали быть людьми, а становятся все более хищными и кровожадными животными...»

Горький ненавидел капитализм с его прихвостнями, как мир грабителей, бандитов, мир, порождающий насилие и войны.

«О том, до чего бесчеловечно христианско-буржуазная «культура», — отмечал он в 1929 году в статье «О бесчеловечии». — красноречиво и неоспоримо говорит признание буржуазией неустрашимости войн, признание неизбежности массового истребления людей, как «закона жизни». Используя все жанры и все средства искусства, великий пролетарский художник и трибун в очерках, памфлетах, статьях, в речах и письмах трудящимся неутомимо объяснял и показывал, где рождаются эти звериные «законы» и какова их подноготная.

Горький перед всем человечеством разоблачил отвратительную в своей алчности душу капитала и выволок ее на свет из-за толстых стен богатых особняков Нью-Йорка, чудовищного города, который кажется «огромной челюстью, с неровными, черными зубами... и сопит, как обжора, страдающий ожирением», с колом золота вместо сердца.

Эта душа предстала перед нами в образе миллионера, нарисованного всезнающей неотразимой кистью сатирика в памфлете «Один из королей республики». Каков он, злобный, некоронованный король? У него, должно быть, «три желудка и полтора штук зубов во рту», и с утра и до ночи он «все время, без отдыха — ест», и карман у него, как яма, «куда свободно можно спрятать церковь, здание сената и все, что нужно...» Но он оказался сухоньким стариком, похожим на слугу, у него сморщенные руки, глаза святого и скромный рацион на день — из ломтика апельсина, тарелки супа, чашки кофе, сигары...

Неподвижные глаза его пошевелились в орбитах лишь при одном вопросе писателя: «Что же вы делаете с вашими деньгами?»

— Я делаю ими еще деньги.

— Зачем?

— Чтобы сделать еще деньги...

— Зачем? — повторил я.

Он наклонился ко мне, упираясь локтями в ручки кресла, и с оттенком некоторого любопытства спросил:

— Вы — сумасшедший?

— А вы? — ответил я вопросом.

Так выразительно заканчивает Горький эту сцену, и в памяти нашей остается не сухонький старичок, а его более естественный лик-чудовище с прожорливой пастью, прорвой вместо желудка и бездонным карманом, упрятавшим, как носовой платок, для собственного употребления и пролажного буржуазного искусства, и науку, и религию, и сенат.

Когда мы слышим, как душной золотой насос, для которого лучшая картина — реклама, а лучшая в мире книга — Главная Бухгалтерская, говорит о том, что

члены правительства все должны быть акционерами в промышленных предприятиях, ибо тогда они скорее и легче поймут интересы своих хозяев и их не нужно будет покупать, мы вспоминаем, что так оно и есть сейчас на самом деле. Нынешнее американское правительство сплошь состоит из банкиров и крупных дельцов, ставившихся Горьким в ряд с обыкновенными бандитами. Только у этих, кроме револьвера в руке, — дубинка полицейского и, главное, планы новой войны, необходимой для удовлетворения ненасытной жажды наживы.

Когда мы читаем, как долларовой «королевы республики» хочет нанять парочку настоящих европейских королей, чтобы они боксировали каждый день полчаса на площадке перед домом, в наших мыслях живо возникает «план Маршалла», улучшивший не одно государство Европы на ринге мирового капиталистического рынка.

И когда, наконец, в своей статье «О мещанинстве» Горький приводит высказывания французских адмиралов, английских лордов и американских генералов о том, насколько эффективны новые бомбы, и газы, которыми «в случае благоприятного (!) ветра» будут отравлены тысячи людей, и о том, что «разрабатываются новые способы бактериологической войны», разве мы не думаем с негодованием, что чума и тиф уже сброшены сморщенной рукой миллионера на многие города и села Кореи и Китая?

Горький всегда призывал народы к бдительности, когда речь заходила о капитализме. Горький объявил буржуазию организатором фашизма, а фашизм с его бредом о национальной розни, расовом неравенстве и саднической страстью к убийству — прямым путем к новой мировой войне. Вместе с тем, сказав, что «фашисты кровожаднее зверей», он сказал также, что они «более трусливы, чем звери», и предопределил победу единственной в мире социалистической республики — своей Родины, над Гитлером — ставленным ком всей мировой реакции.

Но Горький как бы заглянул через вре-

мя и в наши дни, осветив самые темные углы империализма и выбрав для этого Америку, потому что, если везде капиталисты наживаются на войне, торгуя оружием и кровью рабочих, то в Америке эта страсть дошла до пределов одичания. Недаром Горький писал в «Ответе на анкету американского журнала»: «Капиталисты всех стран одинаково противные и бесчеловечные племя, но — ваши хуже».

Величайший жизнелюб и сейчас учит людей бдительности, предупреждая в своих статьях:

«Война капиталистам выгодна... Они не остаются перед ужасами новой войны».

«Не следует предполагать, что бронепосылы, подводные лодки, танки и прочее в этом роде предназначается для целей мирного туризма».

«Решатся ли капиталисты на эту новую бойню? Нельзя сомневаться в том, что они уже решились на нее, что только о ней и думают, когда, непрерывно вооружаясь, лицемерно говорят о разоружении. Удастся ли им организовать новое истребление миллионов масс пролетариата? На этот вопрос может ответить только... пролетариат казарм, фабрик и полей».

Зверей нельзя усювестить, нельзя разжалобить, но их можно связать по рукам и ногам. И к этой воле простых людей мира, спящих готовностью остановить врагов человечества, звал и зовет голос Горького.

С гордостью великого патриота он всегда заявлял, что во главе борьбы за мир стоит и будет стоять Советский Союз, что нашим людям — строителям новой жизни чужда и не нужна война, что все трудящиеся земли гнутся к нам с крепкой надеждой и, отвечая на их чаяния, Советское правительство, у которого не может быть других интересов, кроме народных, требует немедленного разоружения и запрещения орудий массовых убийств.

Так и сейчас Советский Союз стоит нерушимым оплотом мира, сдерживал безумную силу империализма и вдохновлял небывалое движение за мир, охватившее все страны.

С беспределным счастьем представителем свободной державы Горький восклицал:

— Да здравствует простая, ясная мудрость наших вождей, первых и единствен-

ных в мире вождей, которые не пошлют, никогда не пошлют народ свой поработать маньчжуров, абиссинцев, китайцев, индусов!

Великий сын нового государства и великий писатель-интернационалист, Горький всегда отделил народ от его палачей и культуру народа от загнившей буржуазной культуры. В том же Нью-Йорке он видел ужас нищеты рабочих кварталов Ист-Сайда — мрачнее всего, что он знал. В том же «Ответе на анкету американского журнала» он писал, что, кроме самой уродливой цивилизации нашей планеты, в Америке есть носители настоящего искусства, и к ним, и к подобным им во всем свете обращался он с призывом объединять свои силы против международных войн и идти в будущее с новым классом, выдвинутым историей на первое место.

В знаменитой статье «С кем вы, мастера культуры?» Горький раскрывал людям умственного труда глаза на разлагающее влияние буржуазного кино, вырождение науки и упадок искусства, приравленного к службе целым капиталом, а в другом месте называл это служение «одним из самых отвратительных зрелищ нашего мира».

С прямотой революционного гуманиста Горький ставил вопрос: «С кем вы?», формируя лагерь мира из переломных людей своего века. Он сам выступал на радиомигните, посвященном антивоенному дню, приветствовал письмом Амстердамский антивоенный конгресс, на который его не пустило правительство Голландии, обращаясь с воззванием к антифашистскому конгрессу в Чикаго, писал конгрессу защиты культуры в Париж, ни на один день не откладывал своего острого публицистического пера, чтобы будить дух и сознание людей труда, чтобы сотни миллионов творцов жизни взяли судьбу мира в свои руки и никто не ждал с мещанской пасивностью, когда «снова станут разрушать города, деревни, вытравливать поля, портить плодородную землю и всячески уничтожать плоды прекрасного человеческого труда».

Борьба против гнусных социал-предателей, заклейменных им угодовыми спутниками акул, питающихся обидками и отбросами хищников, борьба с разномыслием гуманистами на словах,

наполняющими воздух пылью красивых фраз, но далеких от мужественной, боевой, героической практики народных масс, а значит, далеких на деле и от человеческого, тоже была деятельной борьбой Горького за мир.

Он вселял неистощимую веру в сердца людей, жаждущих мира, но он учил, что мир надо отговоевать.

«Вас, матерей, миллионы и сотни миллионов!» — обращался он к женщинам. — Зачем не крикните вы безумным вашим детям:

— Довольно резни! Не смейте убивать друг друга. Мы родили вас для жизни, для труда, для творчества, для того, чтобы в жизни обрели вы радость, чтобы сделали ее мудрой, правой, прекрасной. Долгой воздушную войну, ядовитые газы и прочие дьявольские выдумки, назначенные для взаимного истребления».

Горький убежденно говорил рабочим и крестьянам: «Вы в силах не допустить войны». Эти мысли Горького развивались под непосредственным воздействием всепобеждающих идей Ленина и Сталина.

Повторяю не раз, что народ Советского Союза не хочет войны, Горький подчеркивал, что мы не боимся ее и готовы к ней, что у нас есть армия, созданная не для нападения, а для самозащиты и непобедима, потому что, кроме штыков, она вооружена правдой. Горький хотел, чтобы до вступления в дело штыков правда билась по лжи и лицемерию поджигателей войны подобно уларам молота. Такой правдой бьет каждая строка его памфлетов, статей, речей, собранных Академией наук СССР в одну книгу «За мир и демократию», читая которую лучше понимаешь суть и причины невиданного размаха современной борьбы за мир.

Учтившись этой борьбе и видя, как закономерно рядом с гневными строчками о ненависти к зачинщикам массовых убийств, к войне стоят незабываемые слова Горького, верного сына и героя народа, полные высшего чувства долга: «И если вспыхнет война против того класса, силами которого я живу и работаю, — я тоже пойду рядовым бойцом в его армию».

Только так и мог говорить поэт человека.

Дм. ХОЛЕНДРО.

КРЫМСКАЯ ПРАВДА

г. Симферополь

27 МАЯ 1953